

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

Развод
с ДРАКОНОМ.
Детский доктор для
ПРОКЛЯТОГО НАСЛЕДНИКА

Лилия Тимолаева

**Развод с драконом. Детский
доктор для проклятого наследника**

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Развод с драконом. Детский доктор для проклятого наследника /
Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

В день, когда драконий лорд Арман Вейр объявил о разводе при всём дворе, Элиана должна была сломаться. Ненужная жена. Бесплезная герцогиня. Женщина, которую легко заменить юной истинной парой. Но в её теле проснулась Лилия, детский врач из другого мира. Она ещё не успела понять, куда попала, когда во дворце началась паника. Маленький наследник Армана умирал от проклятия, которое не могли снять лучшие маги. И только Элиана заметила страшное. Ребёнка не спасали. Его добивали тем, что называли защитой. Теперь бывшая жена должна выбрать: уйти с достоинством или остаться рядом с мальчиком, который первым назвал её своей защитницей. А Арману предстоит узнать, что женщина, которую он публично отверг, может оказаться единств

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод при всём дворе	5
Глава 2. Ребёнок, которого нельзя спасти	19
Глава 3. Ссылка вместо благодарности	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Глава 1. Развод при всём дворе

— Наш брак расторгнут.

Голос мужчины прозвучал так спокойно, будто он объявлял не о конце чужой жизни, а о смене караула у северных ворот.

Элиана не сразу поняла, что эти слова обращены к ней.

Сначала был свет — слишком яркий, золотой, режущий глаза. Огромные люстры под высоким потолком дрожали тысячами огней, и каждый огонёк отражался в полированном чёрном полу, будто под ногами лежала тёмная вода. Потом пришёл шум: приглушённый шёпот, шелест шёлка, звон бокалов, осторожные вдохи, слишком внимательные, слишком жадные.

И только потом она почувствовала тело.

Чужое.

Тяжёлое платье сдавливало рёбра. Корсет не давал вдохнуть полной грудью. На шее лежало что-то холодное и массивное, словно ошейник из камней. Волосы были уложены так туго, что кожа у висков ныла. Пальцы в тонких перчатках едва слушались, но она всё равно сжала их, чтобы не схватиться за горло, не отступить, не выдать тот ужас, который поднялся внутри.

Где она?

Что происходит?

Почему перед ней стоит высокий мужчина с серебряными глазами, а вокруг — зал, полный чужих лиц?

— Элиана Вейр, — продолжил он, и имя ударило по ней так же резко, как холод по открытой коже. — С этого вечера ты больше не носишь моего имени.

Гости замерли окончательно.

Вот тогда она поняла: все смотрят на неё.

Не просто смотрят — ждут.

Кто-то ждал слёз. Кто-то — крика. Кто-то уже заранее наслаждался её падением. В десятках лиц было любопытство, злорадство, вежливая жалость, которую обычно берегут для тех, кто ещё дышит, но уже считается мёртвым для общества.

Элиана медленно перевела взгляд на мужчину.

Арман Вейр.

Имя всплыло из чужой памяти не словом, а болью. Герцог. Глава драконьего рода. Муж. Властный, холодный, почти недостижимый. Человек, чьё молчание в этом доме значило больше, чем чужие приказы. Дракон, перед которым склоняли головы даже те, кто ненавидел его.

Её муж.

Нет. Не её.

Женщины, в чьём теле она сейчас стояла.

От этой мысли земля под ногами будто качнулась. Элиана — или Лилия, потому что внутри, под чужой кожей, всё ещё была Лилия — заставила себя не пошатнуться. Слишком много глаз. Слишком много ожидания. Врач в ней, привыкший собираться в секунду, когда вокруг паника, ухватился за единственное, что можно было контролировать: дыхание.

Медленно вдохнуть. Не глубоко, корсет не даст. Выдохнуть. Не смотреть вниз. Не показывать слабость.

Арман стоял у возвышения, где, судя по всему, несколько минут назад произносили торжественные речи. На нём был тёмный парадный камзол, расшитый серебром; на плечах лежал плащ, застёгнутый тяжёлой пряжкой в форме драконьего крыла. Его лицо было безупречно

красивым и таким же безупречно закрытым. Ни сожаления. Ни злости. Ни следа смущения от того, что он разделял жену перед всем двором, как ненужный документ.

Рядом с ним стояла женщина.

Молодая. Светловолосая. Нежная, как утренний фарфор, тонкая, с мягкими глазами и губами, сложенными в осторожную, почти печальную улыбку. Она держалась чуть позади Армана — достаточно скромно, чтобы не выглядеть победительницей, и достаточно близко, чтобы все поняли: место рядом с герцогом уже занято.

Селеста.

Это имя тоже всплыло из чужих воспоминаний. Сначала — смутным уколом ревности, потом — тяжёлым знанием. Та самая. Истинная. Женщина, которую двор уже несколько недель обсуждал шёпотом. Женщина, появление которой объяснило все холодные ужины, все закрытые двери, все ночи, когда Арман не возвращался в супружеские покои.

Лилия не знала этой боли. Не прожила её.

Но тело Элианы знало.

В груди, под корсетом, сжалось так, будто там остался старый синяк. Горло обожгло. На мгновение захотелось сделать то, чего от неё ждали: отступить, закрыть лицо, спросить — за что? Как он может? Почему при всех?

Но Лилия не была женщиной, которую годами приучали молчать в этом дворце.

Она была человеком, который слишком много раз видел боль, панику, смерть и чужие решения, принятые слишком поздно. Она знала: если в первые секунды поддаться ужасу, потом будет труднее вернуть себе голос.

— Ты слышишь меня? — спросил Арман.

В его голосе не было раздражения. Только холодное, почти официальное уточнение. Как будто она задерживала процедуру.

По залу прошёл тихий шорох. Кто-то прикрыл веером улыбку. Кто-то наклонился к соседке.

— Она бледная.

— Сейчас упадёт.

— Бедняжка.

— Не бедняжка, а пустоцвет.

Последнее слово прозвучало тихо, но Лилия услышала.

Пустоцвет.

Чужая память отозвалась на это слово привычной болью. Так называли Элиану за спиной. За то, что она не родила Арману ребёнка. За то, что не смогла стать матерью его роду. За то, что единственный наследник Вейров был не её сыном, а ребёнком, которого она должна была принять, полюбить, воспитать — и так и не получила права называться ему матерью.

Каэль.

Мальчик. Маленький. Блезненный. Слишком тихий для ребёнка. Глаза — как у отца, только без его льда.

Образ мелькнул и исчез, оставив странную, внезапную нежность, не принадлежащую полностью ни Лилии, ни Элиане.

— Слышу, — произнесла она.

Голос оказался низким, чуть хриплым от сдерживания. Не её голос. Но она была благодарна хотя бы за то, что он не дрогнул.

Арман едва заметно сузил глаза.

Он ожидал другого.

Все ожидали другого.

Селеста опустила ресницы, и её пальцы мягко коснулись рукава Армана. Невинный жест. Почти просьба о милосердии.

— Милорд, — сказала она тихо, но так, чтобы в зале услышали достаточно людей, — может быть, не стоит продолжать при всех? Леди Элиане и так тяжело.

Какая тонкая работа, подумала Лилия почти отстранённо. Не “бедной Элиане”, не “вашей жене”, не “ей”. Леди Элиане. Отдельной. Уже чужой. Женщине, которой великодушно сочувствуют с высоты нового места.

Селеста не ударила. Она погладила по щеке ладонью, в которой был спрятан нож.

— Моё решение принято не сегодня, — ответил Арман, не глядя на неё. — И скрывать его больше нет причин.

— Разумеется, — Селеста чуть склонила голову. — Я лишь не хотела, чтобы леди почувствовала себя... окончательно отвергнутой.

По залу снова прошёл шёпот.

Окончательно.

Лилия медленно повернула голову и посмотрела на Селесту. Та встретила её взгляд с мягкой печалью. Такая красивая. Такая сочувствующая. Такая уверенная, что бывшая жена сейчас либо сломается, либо выставит себя жалкой.

— Вы очень добры, — сказала Элиана.

Селеста моргнула. Улыбка на мгновение стала неподвижной.

— Я правда сочувствую вам.

— Это заметно.

Слова прозвучали не громко, без явной насмешки. Но несколько ближайших гостей перестали шептаться. Арман посмотрел на Элиану пристальнее.

Лилия чувствовала, как внутри неё трясётся всё живое. Она не знала, где находится. Не знала, что случилось с её настоящим телом. Не знала, почему чужая память приходит обрывками, будто кто-то бросает в воду куски разбитого зеркала. Но она уже поняла главное: в этом зале слабость сожрут быстрее, чем она успеет задать первый вопрос.

Арман сделал шаг вниз с возвышения.

Он двигался почти бесшумно, и толпа сама расступалась перед ним. Высокий, широкоплечий, спокойный до жестокости. Воздух вокруг него казался холоднее. Лилия вдруг заметила то, что сначала приняла за игру света: под кожей у его виска иногда проступал тусклый серебряный отблеск, словно там, глубже, под человеческим обликом, скрывалась чешуя.

Дракон.

Настоящий.

Слово не испугало так, как должно было. Чужое тело знало это как факт. В этом мире драконы не были сказкой. Они правили, судили, защищали, уничтожали. Их боялись и им поклонялись. Род Вейров считался одним из самых древних, и Арман был его живым клинком.

— Тебе будет предоставлен дом на окраине столицы, — сказал он. — Содержание на первый год. Часть личных вещей. Всё, что принадлежит роду Вейр, останется здесь.

Лилия слушала и чувствовала, как поднимается уже не страх — злость.

Он не разводился. Он выносил приговор.

Спокойно, при свидетелях, заранее рассчитав каждую фразу, каждую монету, каждый взгляд. Он не просто отказывался от жены. Он показывал всем, что она вышла из его защиты. Что теперь её можно жалеть, обсуждать, не приглашать, забыть.

— Как щедро, — сказала она.

Где-то слева кто-то тихо втянул воздух.

Арман остановился на расстоянии нескольких шагов.

— Ты недовольна условиями?

Вопрос был ровным. Но в нём уже слышалось предупреждение.

Лилия посмотрела на его лицо. Красивое, да. Очень. Такого мужчину легко было бояться, легко — желать, легко — принять за судьбу, если судьба любила приходить с ледяными глазами и правом разрушить твою жизнь одной фразой.

Элиана, прежняя Элиана, наверное, любила его.

От этого стало больно совсем иначе.

— Я недовольна не условиями, милорд, — сказала она, и обращение само нашлось в чужой памяти. — Я недовольна спектаклем.

В зале стало так тихо, что было слышно, как где-то капнула воском свеча.

Селеста чуть пошевелилась.

Арман медленно поднял подбородок.

— Осторожнее.

— Зачем? — Элиана сама удивилась спокойствию собственного голоса. — Вы уже объявили, что я больше не ваша жена. Мне всё ещё нужно подбирать слова так, будто я обязана беречь честь вашего дома, когда вы только что при всех вынесли мою на площадь?

По лицам гостей пробежало оживление. Скандал, которого они ждали, наконец обещал стать интересным.

Арман шагнул ближе. Теперь Лилия видела его глаза совсем ясно. В них не было ярости. Это было хуже. В них была привычка к тому, что его решения не обсуждают.

— Честь моего дома ты потеряла задолго до этого вечера.

Чужая память ударила снова: пустые комнаты, закрытые двери, придворные дамы, которые замолкали при её появлении; лекари, качающие головами; бумаги с печатями; долгие месяцы ожидания, когда от неё требовали невозможного — родить наследника роду, который уже смотрел на неё как на испорченный сосуд.

— Потому что не родила вам ребёнка? — спросила она.

Арман сжал челюсть.

— Потому что не стала тем, кем должна была стать герцогиня Вейр.

— Удобной?

Селеста мягко вмешалась:

— Леди Элиана, прошу вас. Никто не хочет вас унижить.

Лилия повернулась к ней.

— Правда?

Селеста выдержала взгляд. Очень хорошо выдержала. Даже ресницы не дрогнули.

— Милорд поступает честно. Он мог бы годами держать вас рядом из жалости, но разве это было бы лучше? У каждого есть право на истинную связь. Даже если кому-то больно это принять.

Вот оно.

Лилия почувствовала, как гости почти физически подались ближе. Истинная связь. В этом мире это было не просто красивое слово. Это была магия, благословение, оправдание, перед которым обычный брак становился чем-то бледным и бумажным. Если Селеста — истинная, значит, Элиана не просто брошенная жена. Она помеха. Ошибка. Временная женщина, которую судьба наконец убрала с дороги.

— Истинная связь, — повторила Элиана.

Слова оставили во рту горький привкус. Чужая память знала, как часто ими прикрывали жестокость.

Арман не отвёл взгляда.

— Да.

— Тогда поздравляю.

На этот раз зал действительно вздрогнул.

Лилия медленно сняла с пальца кольцо. Оно сидело плотно, будто не хотело уходить. На мгновение металл царапнул кожу, и в этой маленькой физической боли было странно много настоящего. Кольцо Вейров — тёмное, с серебряной жилкой внутри камня, похожей на застывшую молнию.

Она посмотрела на него и вдруг ощутила не только своё возмущение, но и тихое, давнее отчаяние женщины, которая, возможно, много лет смотрела на это кольцо как на обещание. Не любви — хотя бы места. Хотя бы права быть не лишней.

Лилия не знала, где теперь прежняя Элиана. Исчезла? Умерла? Спряталась где-то глубоко? Но в эту секунду ей захотелось сделать для неё хотя бы одну вещь.

Не позволить им увидеть, как она ползёт.

Она протянула кольцо Арману.

— Освобождаю ваш дом от своего присутствия, милорд Вейр.

Арман не сразу взял кольцо. Его взгляд задержался на её лице. Может быть, он впервые за весь вечер увидел не то, что ожидал.

Не истерику. Не мольбу. Не привычную покорность.

— Ты быстро нашла гордость, — тихо сказал он.

— Возможно, она всегда была. Просто в вашем доме её было неудобно замечать.

Селеста сделала крошечный вдох, почти испуганный. Гости услышали. Арман тоже.

На его скуле дрогнула тень. Серебристый отблеск под кожей стал ярче, и Лилия вдруг ощутила странное давление в воздухе, будто перед грозой. Кто-то из гостей невольно отступил.

— Не переоценивай своё новое положение, Элиана, — сказал Арман. — Без моего имени у тебя останется меньше защиты, чем ты думаешь.

— Тогда хорошо, что я уже начинаю привыкать обходиться без неё.

Это было смелее, чем разумно. Но остановиться она уже не могла. Не после того, как увидела лица вокруг. Не после того, как поняла, что каждое её дрожащее движение завтра перескажут в десяти гостиных, добавив слёзы, припадки и жалкие просьбы.

Нет. Пусть подавятся другим.

Арман взял кольцо. Его пальцы не коснулись её перчатки, но холод всё равно прошёл по коже.

Селеста склонила голову, и свет лёг на её волосы так красиво, будто весь зал существовал только для того, чтобы подчеркнуть её победу.

— Я надеюсь, однажды вы поймёте, что это к лучшему, — сказала она.

Элиана посмотрела на неё спокойно.

— Для вас — несомненно.

Селеста улыбнулась чуть шире. В этой улыбке наконец мелькнуло настоящее: тонкое удовольствие.

— Вы устали. Это понятно. В такие минуты женщина часто говорит лишнее.

— В такие минуты женщина иногда впервые говорит правду.

Несколько гостей опустили глаза. Кто-то, наоборот, посмотрел с уважением — быстро, осторожно, тут же спрятав это выражение. Лилия заметила всё. Врачебная привычка считывать лица работала даже здесь: кто сочувствует, кто опасен, кто ждёт крови, кто боится оказаться на неправильной стороне.

Арман, похоже, тоже заметил. Его голос стал ещё ниже:

— Достаточно.

Одного слова хватило, чтобы зал снова замолчал.

Старший распорядитель, седой мужчина в тёмном, выступил вперёд с тонкой папкой в руках. На папке была печать — дракон, обвивший башню. Документы. Конечно. Всё было подготовлено заранее. Её развод не случился этим вечером. Его просто вынесли на сцену.

— Леди Элиана должна подписать акт расторжения? — спросил распорядитель, стараясь не смотреть ей в глаза.

Арман коротко кивнул.

Папку раскрыли на небольшом столике. Перо уже лежало рядом. Чернила темнели в серебряной чернильнице.

Лилия посмотрела на листы.

Буквы были незнакомыми, но тело Элианы умело читать. Смысл складывался в голове с неприятной ясностью: отказ от супружеского титула, отказ от доступа к родовым счетам, отказ от прав на проживание в главной резиденции, подтверждение добровольного принятия условий.

Добровольного.

Она чуть не рассмеялась.

— Добровольного? — спросила она вслух.

Распорядитель побледнел.

Арман не ответил.

— Милорд, — Селеста снова коснулась его руки. — Может, не стоит усложнять? Леди Элиана волнуется. Все понимают...

— Я не волнуюсь, — сказала Элиана, не отрывая взгляда от бумаги. — Я читаю.

Это почему-то произвело большее впечатление, чем её прежние реплики. Вокруг возникло неловкое движение. Видимо, прежняя Элиана не читала документы при свидетелях. Или ей не позволяли. Или все думали, что отвергнутая жена должна подписывать всё, что ей положат, лишь бы быстрее исчезнуть.

Лилия дочитала до конца, насколько позволяли обрывки чужой памяти. Некоторые формулировки оставались туманными, но общий смысл был ясен. Из дома её выводили аккуратно, красиво, почти законно. С улыбками, сочувствием и печатями.

Она взяла перо.

Рука дрожала. Сильно. Она спрятала это, прижав запястье к краю стола. Чернила блеснули на кончике пера.

— Я подпишу, — сказала она. — Но не потому, что признаю справедливость этих условий.

Арман стоял рядом, высокий и неподвижный.

— А почему?

Элиана подняла на него глаза.

— Потому что оставаться там, где тебя уже похоронили, унижительнее, чем уйти без защиты.

Он молчал.

В этот раз она всё-таки попала. Не глубоко, но достаточно, чтобы увидеть, как в его взгляде на миг мелькнуло что-то живое. Раздражение? Удивление? Тень воспоминания о той женщине, которую он когда-то, возможно, сам ввёл в этот зал под руку?

Потом всё снова закрылось.

— Подпиши, — сказал он.

Она подписала.

Имя вышло ровным. Элиана Вейр. Последний раз, если верить документу.

Когда перо легло на стол, Лилия вдруг почувствовала такую усталость, что зал на мгновение поплыл. Слишком много всего для нескольких минут. Чужой мир. Чужой муж. Развод. Унижение. Тело, полное чужой боли. Память, которая отдавала ей только то, что считала нужным.

Она сжала край стола.

Нельзя падать.

Только не здесь.

Селеста шагнула ближе, и её платье цвета бледной розы мягко зашуршало по полу.

— Вы поступили достойно, — сказала она.

Элиана медленно повернула голову.

— Не награждайте меня тем, что я не просила.

— Я лишь хотела...

— Знаю, что вы хотели.

Селеста замолчала. На её лице всё ещё была улыбка, но глаза стали холоднее.

Арман перевёл взгляд с одной женщины на другую.

— Элиана, тебя проводят в западное крыло. До утра ты можешь собрать личные вещи. Затем карета отвезёт тебя в дом, указанный в документах.

До утра.

Не день. Не неделя. До утра.

Лилия почувствовала, как чужая гордость внутри неё снова остро подняла голову.

— Как предусмотрительно. А если я не успею разобрать, где мои личные вещи, а где уже имущество рода?

— Управляющая поможет.

— Та самая, которая последние полгода не пускала меня в хозяйственные комнаты без вашего разрешения?

Слухи в зале вспыхнули новым шёпотом. Арман едва заметно нахмурился. Хорошо. Значит, это было правдой. Память не подвела.

Селеста с мягкой укоризной произнесла:

— Леди Элиана, неужели сейчас время для мелочных упрёков?

— Когда женщину выставляют из дома до утра, мелочью становится даже дом, да?

Эта фраза вышла не такой гладкой, как предыдущие. В ней прорвалась боль. Настоящая. Не только Элианы. Лилия тоже вдруг почувствовала, как страшно — не понимать, где ты окажешься завтра, что у тебя есть, кому можно верить, почему твоя жизнь в одно мгновение стала чужой.

Арман услышал это. Его лицо не смягчилось, но что-то в нём изменилось. На секунду.

И именно в эту секунду двери в дальнем конце зала распахнулись.

Не торжественно. Не по этикету. Их ударили так, что створки гулко стукнули о стены.

В зал вбежал мальчишка-слуга. Лицо у него было белым, волосы растрёпаны, на груди перекосилась ливрея. Он успел сделать несколько шагов и рухнул на колени, хватая воздух ртом.

— Милорд!

Арман повернулся мгновенно.

Вся праздная жадность гостей исчезла. В воздухе возник другой страх — быстрый, настоящий.

— Что? — голос Армана стал опасно тихим.

Слуга поднял голову. Губы у него дрожали.

— Наследнику... наследнику снова плохо.

Селеста резко побледнела, но не так, как бледнеют от испуга. Скорее — от досады, которую она тут же спрятала.

Арман уже шёл к дверям.

— Где он?

— В малой детской, милорд. Лекари при нём, но... — слуга сглотнул. — Они велели позвать вас немедленно.

Слово “немедленно” ударило по залу сильнее любого колокола.

Лилия почувствовала, как всё внутри неё переключилось.

Не эмоции. Не обида. Не страх за себя. Всё это отодвинулось, как шум за закрытой дверью. Осталось другое: ребёнку плохо. Взрослые испуганы. Врачи зовут отца. Значит, состояние серьёзное.

Она сделала шаг вперёд раньше, чем успела подумать.

Арман обернулся.

— Ты остаёшься здесь.

Приказ.

Лилия остановилась, но не потому, что подчинилась. Она посмотрела на него так, как смотрела когда-то на родителей, которые мешали ей работать паникой, криком и требованиями невозможного.

— Сколько ему лет?

Вопрос прозвучал неожиданно. Арман на мгновение замер.

— Что?

— Каэлю. Сколько ему лет?

— Пять, — ответил он после короткой паузы. — Но тебя это больше не касается.

Лилия почувствовала, как чужая память дрогнула от этих слов. Не касается. Ребёнок, к которому прежнюю Элиану то подпускали, то отталкивали. Мальчик, который однажды уснул у неё на коленях в библиотеке, а утром ему запретили заходить в её комнаты, потому что “герцогиня слишком привязывается к тому, что ей не принадлежит”.

Лилия не стала спорить о праве. Сейчас это было неважно.

— Что с ним происходит?

— Врачи разберутся.

— Судя по тому, что слуга ворвался в зал во время вашего торжества, не разбираются.

Арман подошёл к ней так быстро, что несколько гостей отступили. В его глазах серебро стало почти светиться.

— Не испытывай моё терпение.

Странно, но сейчас он пугал её меньше. Потому что у страха появился соперник — злость на бессмысленную власть, которая теряет время, когда ребёнку может быть плохо.

— А вы не испытывайте судьбу своего сына, милорд.

Селеста вмешалась мягко, но быстро:

— Арман, прошу, не трать время. Каэлю нужен отец, а не... — она запнулась совсем чуть-чуть, — не сцена перед гостями.

Она снова была умна. Она не сказала “бывшая жена”. Не сказала “эта женщина”. Но все услышали.

Арман отвернулся от Элианы.

— Никого не выпускать из зала, пока я не распоряжусь.

Он бросил приказ страже и пошёл к выходу. Селеста поспешила за ним, подобрав юбки. Дворяне расступались, шептались, вытягивали шеи. Для них вечер становился ещё интереснее: развод, новая истинная, а теперь и приступ у наследника. Завтра столица будет сыта слухами.

Лилия осталась стоять у стола с подписанными бумагами.

Остаться?

Ждать?

Позволить им решать, потому что в этом мире она никто?

Она посмотрела на распорядителя. Тот избегал её взгляда. На стражу у дверей. На гостей, которые уже перешёптывались, пряча улыбки и страх за веерами. На Селесту, исчезающую в коридоре вслед за Арманом.

Тело Элианы знало дворец. Не весь — но достаточно. Малую детскую. Западную галерею. Узкий проход мимо зимнего сада.

Лилия сделала шаг назад, словно собиралась отойти от стола. Потом ещё один. Никто не остановил её сразу: отвергнутая жена больше не была центром сцены, а без зрителей унижение теряло вкус. Два молодых дворянина спорили шёпотом, пустят ли Селесту к ребёнку. Пожилая дама говорила кому-то, что бедный мальчик с рождения слаб. Стражник у бокового прохода смотрел не на Элиану, а на распахнутые двери, через которые ушёл герцог.

Она воспользовалась этим.

Не побежала. Бег привлёк бы внимание. Пошла быстро, ровно, с высоко поднятой головой, будто имела полное право оказаться у боковой арки. Один слуга заметил её и замер. Лилия приложила палец к губам.

Он почему-то не позвал стражу.

Может быть, прежняя Элиана когда-то была к нему добра. Может быть, он просто испугался. Это было неважно.

За аркой оказался коридор, прохладный и полутёмный. Шум зала сразу стал глуше. Лилия подняла юбку, чтобы не запутаться в тяжёлой ткани, и ускорила шаг.

Дворец был огромен. Каменные стены, высокие окна, ковры с драконьими узорами, ниши со статуями крылатых зверей. Всё чужое, роскошное и холодное. Память Элианы вспыхивала рывками: сюда нельзя без приглашения; там лестница к покоям герцога; за этой дверью зимний сад; дальше поворот к детскому крылу.

Она почти не слышала собственных шагов — только дыхание, слишком частое, и стук сердца. Где-то впереди раздались голоса. Мужские. Встревоженные.

Лилия свернула за гобелен за секунду до того, как по коридору прошли двое стражников.

— Герцог велел никого не пускать.

— А если опять начнётся?

— Молчи. Не наше дело.

Опять.

Значит, приступы уже были. Не первый раз. Почему? Как часто? Что за признаки? Что делали лекари? Почему ребёнка не вынесли из дворца? Почему новая “истинная” появилась именно сейчас?

Слишком много вопросов.

Она дождалась, пока шаги стихнут, и вышла из-за гобелена. Путь дальше подсказала не память — звук. Где-то впереди плакал ребёнок. Не громко. Хрипло, прерывисто, как плач, на который уже не хватает сил.

Лилия пошла на этот звук.

У дверей малой детской стояли двое стражников. Один из них сразу выпрямился.

— Леди... вам нельзя.

Странно, как быстро титул застрял у него на языке. Уже нельзя было назвать её герцогиней, но и просто женщиной он назвать не решился.

— Отойдите, — сказала она.

— Милорд запретил.

— Ребёнок задыхается?

Стражник побледнел.

Она не знала точно. Но услышала характерный сорванный вдох за дверью — и этого хватило.

— Я спросила: он задыхается?

Второй стражник отвёл глаза.

— Лекари внутри.

— Тогда почему вы стоите здесь с такими лицами?

Они не ответили.

Из комнаты донёсся резкий голос Армана:

— Сделайте что-нибудь!

За ним — другой голос, старческий, испуганно-важный:

— Милорд, мы усиливаем родовую защиту, но печать сопротивляется...

Ребёнок снова попытался вдохнуть. Звук был короткий, мучительный.

Лилия перестала быть бывшей женой, попаданкой, женщиной в чужом платье, пешкой в чужом разводе. В эту секунду в ней остался только врач.

Она толкнула дверь.

Стражник попытался удержать её за локоть, но не решился сжать по-настоящему. Может быть, потому что она посмотрела на него так, что он сам отступил.

В детской было слишком жарко.

Первое, что она почувствовала, — тяжёлый воздух. Сладковатый запах воска, нагретого камня, чужого страха. На стенах горели светильники, и их пламя почему-то было синеватым. У кровати стояли трое мужчин в длинных тёмных одеждах — лекари или маги, Лилия ещё не понимала разницы. Их руки светились бледными знаками. Над маленькой кроватью дрожала серебряная сеть, похожая на купол.

Арман стоял у изголовья.

Селеста — чуть дальше, у окна. Её лицо было тревожным, но руки сжаты слишком крепко, будто она не боялась за ребёнка, а ждала, когда всё закончится.

На кровати лежал мальчик.

Каэль.

Маленький, худенький, в белой ночной рубашке, почти потерявшийся среди подушек. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Губы были бледными. Пальцы судорожно цеплялись за край простыни. На шее, уходя под ворот, проступали тонкие тёмные линии. Они не были похожи на синяки. Скорее на трещины в фарфоре, заполненные чёрным светом.

Лилия остановилась всего на миг.

Потом увидела, как серебряная сеть над кроватью опускается ниже, и ребёнок выгнулся, пытаясь вдохнуть.

— Уберите это, — сказала она.

Никто не сразу понял, что говорит она.

Арман обернулся. Его лицо стало каменным.

— Кто позволил тебе войти?

— Уберите сеть.

Старший лекарь возмущённо вскинул голову.

— Леди, вы не понимаете, это родовая защита. Она удерживает разрушение печати.

— Она давит на него.

— Что?

Лилия подошла ближе. Один из лекарей попытался преградить ей путь, но она даже не посмотрела на него. Всё внимание было на ребёнке. На дыхании. На цвете кожи. На том, как мальчик реагирует на мерцание магии. На том, что тёмные линии становились ярче каждый раз, когда серебряные знаки касались его груди.

Не болезнь.

Не обычный приступ.

Но принцип был страшно знаком: взрослые делают что-то, что кажется им правильным, а ребёнку становится хуже.

— Каждый раз, когда ваша защита касается его, ему труднее дышать, — сказала она. — Вы не удерживаете это. Вы кормите.

В комнате стало тихо, если не считать хриплого дыхания Каэля.

Арман медленно повернулся к лекарям.

— Это правда?

Старший лекарь вспыхнул.

— Милорд, бывшая герцогиня не имеет ни малейшего представления о драконьих печатях. Её слова продиктованы волнением и, возможно, желанием привлечь внимание.

Селеста сделала шаг вперёд.

— Арман, прошу тебя. Ей нельзя быть здесь. Она пережила потрясение, она не отвечает за свои слова.

Лилия услышала это краем сознания. Селеста снова работала тонко: не обвиняла, а как будто жалела. Делала из неё не соперницу, а неуравновешенную женщину, которая ворвалась к больному ребёнку после развода.

Каэль вдруг открыл глаза.

Серые. Огромные от страха. Затуманенные, но живые.

Он смотрел не на отца. Не на лекарей. На неё.

Лилия подошла ещё на шаг.

— Каэль, — сказала она мягче.

Имя далось легко, с неожиданной нежностью.

Мальчик попытался что-то сказать, но из горла вышел только сорванный звук. Его рука дёрнулась на простыне.

Арман перехватил это движение и сжал маленькие пальцы.

— Сын.

В этом одном слове впервые за вечер в нём прорвалось настоящее. Не власть. Не гордость. Страх.

Лилия увидела его — и не простила. Нет. Но поняла, где у дракона живая плоть под бронёй.

— Если вы хотите ему помочь, — сказала она, не отводя взгляда от ребёнка, — прекратите делать то, от чего ему хуже.

Старший лекарь резко произнёс:

— Милорд, это недопустимо. Присутствие леди Элианы может нарушить...

— Замолчите, — сказал Арман.

Лекарь осёкся.

Арман смотрел на сына. Потом на серебряную сеть. Потом на Элиану.

— Ты уверена?

Вопрос был невозможным. Она не могла быть уверена в мире, где магия светилась в воздухе, а драконы носили человеческие лица. Но она была уверена в одном: ребёнок реагировал на эту сеть плохо. И если взрослые продолжают спорить, время уйдёт.

— Я вижу, что ему хуже от вашей магии.

Арман поднял руку.

Сеть погасла не сразу. Серебряные нити задрожали, словно не хотели отпускать добычу, затем одна за другой растворились в воздухе.

Каэль втянул воздух.

Не легко. Не свободно. Но глубже.

Лилия услышала, как кто-то в комнате тихо выдохнул. Один из младших лекарей, кажется.

Старший побледнел ещё сильнее.

— Это временное облегчение, милорд. Печать...

— Выйдите, — сказал Арман.

— Но...

— Все, кроме неё.

Селеста резко подняла голову.

— Арман.

Он не посмотрел на неё.

— Выйдите.

В этом приказе было столько холода, что спорить не решились даже лекари. Они поспешно собрали свои знаки, поклонились и направились к двери. Селеста осталась на месте чуть дольше. Её взгляд скользнул по Элиане — уже без мягкости. На мгновение Лилия увидела то, что пряталось под фарфором: злость, быструю и острую.

— Я буду рядом, если понадобится, — сказала Селеста Арману.

Он кивнул, всё ещё не глядя на неё.

Когда дверь закрылась, в детской остались трое: отец, бывшая жена и ребёнок, который дышал так, будто каждый вдох доставался ему из чужих рук.

Лилия подошла к кровати. На этот раз Арман не остановил её, но его взгляд следил за каждым движением.

— Не трогай его без моего разрешения.

Она посмотрела на него.

— Тогда разрешите.

Его лицо напряглось.

— Ты пользуешься моментом?

— Я пытаюсь понять, что с вашим сыном. Вы можете мешать мне из гордости, но ему от этого легче не станет.

Слова были резкими. Возможно, слишком. Но Каэль снова зашевелился, и Арман, сжав зубы, отступил на полшага.

— Смотри.

Лилия наклонилась к ребёнку, не касаясь его сразу. Сначала — глаза. Реакция на свет. Страх. Усталость. Потом — дыхание, частое, поверхностное, но уже не такое рваное. Кожа была горячее на вид, но руки ребёнка казались холодными. Тёмные линии поднимались от ключиц к шее и ниже, терялись под тканью. Они не были хаотичными. В них был рисунок.

Печать.

Или цепь.

Каэль смотрел на неё, моргая редко, будто боялся, что она исчезнет.

— Тётя Эли... — прошептал он едва слышно.

Что-то болезненно кольнуло в груди.

Не мама. Не леди. Тётя Эли.

Прежняя Элиана, видимо, всё-таки была для него кем-то. Не официально. Не достаточно для рода. Но достаточно для ребёнка, чтобы в приступе он узнал её и потянулся.

— Я здесь, — сказала она тихо. — Только не пытайся говорить.

Арман застыл.

Наверное, он не знал. Или не хотел знать, как сын называл женщину, которую сегодня выставили из дома.

Лилия осторожно взяла мальчика за руку. Маленькие пальцы тут же слабо сжались вокруг её перчатки. Прикосновение было холодным, почти ледяным, несмотря на жар комнаты.

И в этот момент тёмные линии на его коже дрогнули.

Не усилились. Не исчезли. Именно дрогнули, будто что-то внутри ребёнка узнало её прикосновение.

Арман увидел.

— Что это?

— Не знаю, — честно ответила Лилия.

Она не стала делать вид, что понимает магию. Не стала произносить уверенных глупостей. Но в голове складывались наблюдения: приступ, магическая защита ухудшает состояние,

тёмный рисунок реагирует на внешнюю силу, ребёнок тянется к ней, прикосновение меняет движение линий.

Это не обычная болезнь. И не просто слабость.

Семейная тайна. Родовая магия. Проклятие.

Слово пришло не из медицинского опыта. Из чужой памяти. В этом мире такие вещи называли именно так.

— Когда это началось? — спросила она.

Арман молчал слишком долго.

— Давно.

— Как давно?

— С рождения.

Лилия подняла на него глаза.

Он смотрел на сына, и в его лице наконец не было ни герцога, ни дракона, ни судьи. Только отец, который привык прятать страх так глубоко, что сам почти поверил, будто его нет.

— Приступы одинаковые?

— Нет.

— Что менялось перед сегодняшним?

Арман резко посмотрел на неё.

— Ты задаёшь слишком много вопросов для женщины, которая десять минут назад была исключена из этого дома.

— А вы слишком много думаете о разводе для отца, чей ребёнок лежит перед вами в таком состоянии.

Он словно получил удар. Глаза вспыхнули серебром, но Лилия не отступила.

Каэль тихо застонал.

Оба сразу посмотрели на него.

Тёмные линии снова стали ярче. Но теперь Лилия заметила ещё одну деталь: на груди мальчика, у самого края ворота, проступил маленький знак. Он был не похож на остальные прожилки. Более чёткий. Как отпечаток чужого украшения или клейма.

— Расстегните ворот, — сказала она.

Арман напрягся.

— Зачем?

— Я должна увидеть рисунок.

— Нет.

Лилия медленно выпрямилась.

— Вы только что сами спросили меня, что это. Я не смогу ответить, если вы будете закрывать мне глаза из приличия.

— Он ребёнок.

— Именно поэтому перестаньте вести себя так, будто важнее всего сейчас правила.

Арман несколько секунд смотрел на неё так, будто решал, выгнать ли её силой. Потом наклонился и осторожно освободил край ворота на рубашке сына.

Лилия задержала дыхание.

На коже Каэля, чуть ниже ключицы, темнел знак. Не просто прожилки. Чёткий маленький след в форме изогнутой чешуи, обрамлённой тонким кольцом. Он пульсировал слабым тёмным светом.

И Лилия уже видела похожую форму.

Не здесь, не на ребёнке.

В зале.

На подвеске у горла Селесты.

Холод прошёл по спине так резко, что она едва не выдала себя.

Арман заметил перемену в её лице.

— Что?

Лилия не ответила сразу. Она снова посмотрела на знак. Потом на дверь, за которой ушла новая истинная Армана Вейра. Потом на ребёнка, который доверчиво держал её за руку, хотя взрослые вокруг него уже успели разрушить слишком многое.

Нет, она не могла обвинять без доказательств. Не в этом мире. Не перед драконом, который только что развёлся с ней ради женщины с таким же знаком на украшении. Одно неверное слово — и её выкинут не только из комнаты, но и из любой возможности помочь Каэлю.

Но промолчать совсем тоже было нельзя.

— Это не болезнь, — сказала она наконец.

Арман стал неподвижным.

— Тогда что?

Каэль слабо повернул голову к ней. Его пальцы чуть крепче сжали её руку.

Лилия посмотрела на тёмный знак, который медленно расползлся по детской коже, будто чужая печать просыпалась под дыханием ребёнка.

— На нём не просто родовая магия, милорд, — произнесла она тихо. — На вашем сыне чужой след. И если я права, сегодня его не лечили. Его добивали тем, что называли защитой.

Глава 2. Ребёнок, которого нельзя спасти

Арман не сразу ответил.

Он стоял у кровати сына, всё ещё удерживая рукой распахнутый ворот маленькой рубашки, и смотрел на тёмный знак так, будто тот мог исчезнуть, если смотреть достаточно долго и достаточно властно. В комнате было слышно только неровное дыхание Каэля и далёкий, приглушённый шум зала, оставшегося где-то за толстыми стенами дворца. Там, наверное, по-прежнему ждали. Перешёптывались. Догадывались. Решали, как завтра перескажут эту ночь: бывшая герцогиня устроила сцену после развода, ворвалась к наследнику, обвинила лекарей, посмела говорить о чужом следе.

Но здесь, в детской, все эти люди перестали иметь значение.

Значение имел только маленький мальчик на кровати. Его тонкие пальцы держались за руку Элианы так слабо, что это прикосновение было почти не весомым, но она почему-то чувствовала его всем телом. Будто ребёнок цеплялся не за перчатку, а за последнюю возможность остаться здесь, в этом дыхании, в этом мире, среди взрослых, которые слишком долго спорили о власти, крови, печатях и приличиях.

— Чужой след, — повторил Арман.

В его голосе не было вопроса. Скорее — опасная пустота перед ударом.

Элиана подняла на него глаза. Серебро в его взгляде стало холодным и острым. Если бы она сейчас сказала лишнее, если бы назвала имя Селесты вслух, он мог воспринять это как ревность. Как попытку отомстить женщине, ради которой её только что вычеркнули из рода. Как последнюю жалкую интригу бывшей жены.

И тогда Каэля снова оставили бы тем, кто уже делал ему хуже.

— Я не знаю, чей именно, — сказала она осторожно.

Это было правдой. Неполной, но правдой.

Арман медленно выпрямился.

— Но ты что-то увидела.

Она почувствовала, как внутри неё дёрнулась тревога. Он был слишком внимателен. Привык замечать слабые места в чужих ответах, привык выдирать признания не силой, так давлением. Наверное, в его мире никто не выживал долго, если говорил с герцогом Вейром неосторожно.

— Я увидела знак, — ответила Элиана. — И увидела, как он реагирует на магию ваших лекарей.

— Это не ответ.

— Это всё, что я могу сказать сейчас без вранья.

Его лицо стало ещё жёстче.

— Вранья?

— Да. Вы предпочитаете уверенные слова или честные?

Каэль тихо пошевелился. Элиана сразу опустила взгляд к нему. Мальчик снова попытался вдохнуть глубже, но грудь поднималась неровно, будто воздух проходил через невидимую преграду. Тёмные линии на шее стали чуть бледнее после исчезновения серебряной сети, но знак под ключицей не исчезал. Он то темнел, то тускнел, словно под кожей билось чужое маленькое сердце.

Элиана невольно сжала его пальцы чуть крепче.

— Каэль, слышишь меня? — тихо спросила она. — Просто моргни, если слышишь.

Мальчик моргнул. Медленно. Усталый взгляд скользнул к ней, задержался на лице, и в нём было столько доверия, что горло на миг сжалось.

Арман увидел это. Увидел и то, как сын, не отпуская её руки, чуть повернул голову к ней, будто именно рядом с ней ему было легче переносить страх.

— Почему он так смотрит на тебя? — спросил Арман глухо.

Вопрос был странный. Почти не к месту. Но Элиана поняла: для него это тоже стало ударом. Не только знак. Не только чужой след. А то, что ребёнок искал защиты у женщины, которую отец только что выставил из дома.

— Потому что дети чувствуют, когда взрослый не врёт им, — ответила она.

— Ты хочешь сказать, что я ему врал?

Она не посмотрела на него. Поправила край простыни у плеча Каэля, не закрывая знак полностью, но убирая ткань так, чтобы она не мешала ему.

— Я хочу сказать, что сейчас ему нужен не спор.

Арман молчал. Элиана кожей чувствовала его гнев, его недоверие, его привычку властвовать над комнатой. Но сейчас он всё же стоял рядом и не отдавал приказа вывести её. Значит, страх за сына был сильнее оскорблённой гордости.

Пока.

Дверь открылась без стука.

— Арман?

Селеста вошла так осторожно, будто боялась потревожить воздух. За её спиной виднелись лица лекарей и управляющей, вытянутые тревогой, но сама она выглядела почти безупречно. Бледное платье, светлые волосы, мягкий изгиб губ. Только пальцы выдавали напряжение: они слишком крепко сжимали край рукава.

Элиана заметила это автоматически. Как и то, что подвеска у горла Селесты теперь лежала чуть иначе, почти скрытая кружевом. Маленькая изогнутая чешуя в тонком кольце.

Похожая на знак на груди Каэля.

Не такая же, сказала себе Элиана. Не смей торопиться. Похожая — ещё не доказательство.

Селеста перевела взгляд на кровать. На руку Каэля в ладони Элианы. На распахнутый ворот. На тёмный знак. И только потом на Армана.

— Мне сказали, ты выгнал лекарей.

— Я велел им выйти, — ответил он.

— Наследник в опасности. Сейчас не время для... — она сделала паузу и посмотрела на Элиану с мягким сожалением, — для личных чувств.

Элиана не ответила. Каэль снова сжал её руку, и это было важнее.

Арман повернулся к Селесте.

— Где твоя подвеска?

Тишина стала такой плотной, что Элиана услышала, как за дверью кто-то переступил с ноги на ногу.

Селеста моргнула.

— Что?

— Покажи подвеску.

На её лице не дрогнуло почти ничего. И всё же Элиана увидела, как на мгновение изменилось дыхание: короткий вдох, едва заметная задержка.

— Милорд, — Селеста попыталась улыбнуться, но улыбка вышла тоньше прежней. — Сейчас?

— Сейчас.

Селеста медленно коснулась кружева у горла. Под пальцами блеснул тёмный металл.

— Это подарок моей семьи. Ты видел его раньше.

— Покажи.

Слово прозвучало уже не просьбой.

Селеста опустила руку. Подвеска открылась полностью: изогнутая чешуя в тонком кольце, тёмный камень в глубине, холодный блеск по краю. Похожая. Очень похожая. Но знак на коже Каэля был не украшением. Он был отпечатком — будто кто-то приложил эту форму к живому телу и оставил там тень.

Один из лекарей за дверью шумно втянул воздух.

Арман медленно посмотрел на Элиану.

В его взгляде было теперь не только недоверие. Там появилась другая опасная вещь — потребность в ответе.

— Это оно?

Элиана не хотела становиться судьёй. Не хотела брать на себя обвинение, которое могло в эту же минуту обернуться против неё. Но и отступить уже не могла.

— Похоже, — сказала она. — Но я не знаю, как это связано.

Селеста тихо рассмеялась. Даже не рассмеялась — выдохнула с обиженной мягкостью.

— Арман, неужели ты правда слушаешь её? Женщину, которая только что лишилась положения? Которая вбежала сюда после публичного развода и теперь ищет виноватых?

Элиана почувствовала, как старый зал будто снова оказался рядом. Те же взгляды. Та же ловушка. Селеста не повышала голоса, не обвиняла прямо, но каждое слово аккуратно ставило Элиану на место: отвергнутая, униженная, ревнивая, потерявшая власть.

Арман не ответил сразу.

И этого оказалось достаточно, чтобы больно кольнуло.

Он всё ещё сомневался. Конечно, сомневался. Ещё несколько минут назад он объявил всему двору, что Селеста — истинная, а Элиана — прошлое, ошибка, ненужная жена. Нельзя за один вдох принять, что, возможно, именно рядом с новой избранницей ребёнку становилось хуже.

— Милорд, — старший лекарь решил войти. Лицо его было влажным от волнения, но голос он пытался держать важным. — Позвольте сказать. Подобные совпадения возможны. Родовые знаки часто повторяют древние формы. У леди Селесты может быть родовой амулет схожего начертания, а на теле наследника проявилась одна из внутренних печатей Вейров. Бывшая герцогиня не обучена различать такие вещи.

Бывшая герцогиня.

Слово ударило по комнате нарочно. Элиана подняла взгляд на лекаря.

— Зато я обучена замечать, когда ребёнку становится хуже от ваших действий.

Он покраснел.

— Вы не обучены ничему, что касается драконьей крови.

— Возможно. Но я видела, как сеть опускалась ниже, и видела, что он переставал дышать ровно именно в этот момент.

— Это случайное совпадение.

— Тогда повторите.

Арман резко повернул голову к ней.

— Что?

Элиана не отвела взгляда.

— Пусть он повторит слабый фрагмент той же защиты на расстоянии. Не над ребёнком. Рядом. Посмотрим, что делает знак.

Старший лекарь возмущённо вскинул подбородок.

— Это недопустимый тон.

— Это простая проверка.

— Вы не имеете права распоряжаться здесь!

— А вы имеете право продолжать то, что едва не лишило ребёнка воздуха, только потому что вам неприятно признать ошибку?

Лекарь открыл рот, но не нашёл ответа сразу.

Каэль снова застонал. Тихо, утомлённо. Слишком тихо для пятилетнего ребёнка, которому было страшно.

Арман поднял руку, заставляя всех замолчать.

— Сделай, — сказал он лекарю.

Тот побледнел.

— Милорд...

— Не над ним. Рядом. Как она сказала.

Селеста шагнула ближе.

— Арман, это унижительно для мастера Териона. И опасно. Эта женщина провоцирует тебя на сомнительные опыты возле твоего сына.

Элиана медленно повернулась к ней.

— Возле его сына опасность уже есть.

— Благодаря кому? — мягко спросила Селеста.

В комнате будто стало холоднее.

Смысл висел между ними прозрачно и ядовито. Благодаря кому? Кто ворвался сюда? Кто прикасался к Каэлю? Кто только что подписал бумаги и потерял всё? Кто мог захотеть, чтобы вечер Армана был испорчен?

Арман посмотрел на Селесту, потом на Элиану.

Элиана вдруг поняла, что ещё немного — и её вытолкнут из комнаты. Не потому что она не права. А потому что права слишком неудобно, слишком рано, слишком похоже на обвинение.

Она наклонилась к Каэлю, убрала со лба прилипшую прядь волос. Пальцы сами хотели проверить жар, но она остановила движение на простой, человеческой ласке, не превращая её в процедуру. Мальчик прикрыл глаза.

— Каэль, — тихо сказала она. — Тебе хуже, когда в комнате светится серебряная магия?

Арман резко втянул воздух.

— Он ребёнок.

— Я знаю.

— Он не может...

— Может показать, — сказала Элиана. — Не словами.

Она посмотрела на мальчика.

— Если тебе становится страшнее или тяжелее, когда они делают свет, сожми мою руку. Если нет — не сжимай. Хорошо?

Каэль открыл глаза. Страх в них был мутным, но понимание — было. Он едва заметно кивнул.

Лекарь пробормотал что-то о недопустимости, но Арман так посмотрел на него, что тот умолк. Затем мастер Терион — Элиана только теперь зацепилась за это имя — вытянул руку в сторону от кровати. Между его пальцами зажёгся тонкий серебряный знак. Не сеть, не купол, всего лишь маленькое мерцание, похожее на осколок ледяной нити.

Каэль сжал её руку.

Не сильно. Но мгновенно.

Его дыхание снова сбилось. Тёмный знак на груди вспыхнул, будто ответил на зов.

— Хватит, — сказал Арман.

Магия погасла.

Каэль судорожно выдохнул и вцепился в Элиану уже обеими руками, насколько хватило сил. Его маленькое лицо исказилось, но он не заплакал. Слишком устал.

В комнате никто не говорил.

Элиана почувствовала, как её собственные ладони стали холодными. Проверка получилась. Но радости не было. Потому что это означало одно: несколько минут назад ребёнка действительно усиливали тем, что делало ему хуже. Возможно, не по злему умыслу лекарей. Возможно, из-за незнания. Но от этого легче не становилось.

Арман смотрел на мастера Териона.

— Объясни.

Лекарь сглотнул.

— Милорд, я... печать не должна так реагировать.

— Но реагирует.

— Возможно, чужой след искажает родовую защиту.

— Это ты должен был понять раньше.

Терион опустил глаза, и Элиана увидела не только страх за должность. В нём было настоящее потрясение. Значит, он не обязательно был врагом. Возможно, просто слишком долго верил в правила, которые кто-то успел использовать против ребёнка.

Селеста медленно произнесла:

— Или знак реагирует на присутствие леди Элианы.

Элиана подняла голову.

Вот теперь удар был прямее.

— Она вошла, — продолжила Селеста, не глядя на неё, обращаясь только к Арману, — и всё стало нестабильным. До её появления лекари хотя бы удерживали приступ. А теперь мы спорим, магия прервана, Каэль слабее, чем был. Разве это не очевидно?

Голос мягкий. Лицо тревожное. Логика удобная. Для тех, кто хотел поверить.

Элиана почувствовала, как внутри снова поднимается злость. Селеста не кричала, не требовала выгнать её, но делала всё, чтобы именно это произошло.

Арман молчал слишком долго.

Достаточно долго, чтобы Элиана поняла: он всё ещё может выбрать простую версию. Виновата бывшая жена. Виновата чужая женщина, которая пришла в комнату после унижения и говорит непонятные вещи. Виноват кто угодно, только не новая истинная, не родовая магия, не сам Арман, допустивший это.

Каэль вдруг шевельнулся и едва слышно произнёс:

— Не надо свет.

Селеста замолчала.

Арман опустился ближе к сыну.

— Что, Каэль?

Мальчик не смотрел на отца. Он смотрел на Элиану, словно боялся, что, если отпустит взгляд, её уведут.

— Не надо... свет. Больно.

Слово было простое, детское, измученное.

Элиана ощутила, как пальцы Армана на краю кровати сжались так, что ткань смялась под его рукой. Он услышал. Наконец услышал не лекарей, не Селесту, не бывшую жену — сына.

— Больше не будет, — сказал он.

Каэль закрыл глаза.

— Обещаешь?

Арман на мгновение стал совсем другим. Не мягким — нет, в нём не было мягкости. Но живым. Так живым, что Элиане стало почти больно смотреть.

— Обещаю.

Мальчик чуть успокоился, но дыхание всё ещё оставалось неровным. Жар в комнате давил. Синие огни на стенах мерцали слишком ярко. Элиана вдруг поняла, что если здесь ничего не изменить, ребёнок просто истощится от страха, духоты и постоянного напряжения.

— Нужно открыть окно или дверь в соседнюю комнату, — сказала она. — Здесь слишком тяжёлый воздух.

Терион тут же напрягся.

— Нельзя нарушать замкнутый контур детской.

Элиана посмотрела на Армана.

— Контур помогает ему?

Ответ был очевиден. Арман бросил взгляд на тёмные линии, которые ещё не исчезли.

— Откройте.

Один из младших лекарей метнулся к боковой двери, ведущей, как оказалось, в маленькую смежную комнату. Туда хлынул более прохладный воздух. Пламя светильников дрогнуло. Каэль слабо вдохнул.

— Светильники тоже приглушить, — сказала Элиана.

— Это защитный огонь, — попытался возразить Терион.

Арман даже не повернулся к нему.

— Приглушить.

Один за другим синие языки стали меньше. Комната перестала казаться раскалённой клеткой. В полумраке лицо Каэля выглядело ещё бледнее, но дыхание чуть выровнялось.

Элиана осторожно освободила одну руку, чтобы убрать с кровати лишнюю тяжёлую покрывальную ткань. Каэль тут же испуганно дёрнулся.

— Я здесь, — повторила она. — Я не ухожу. Просто тебе будет легче.

Он поверил не сразу. Только когда она снова дала ему пальцы, позволил отодвинуть край плотного покрывала.

Арман наблюдал за этим молча. Его молчание было тяжёлым. В нём было много вопросов, которые он пока не задавал, и много злости, которой некуда было ударить.

— Как ты это делаешь? — спросил он наконец.

— Что именно?

— Он слушает тебя.

Элиана не сразу нашла ответ. Потому что это не было “делает”. Она не колдовала. Не произносила формул. Не владела родовыми печатями. Она просто видела перед собой ребёнка, а не наследника, не сосуд крови, не продолжение рода.

— Я говорю с ним, а не над ним, — сказала она.

Эти слова заделали Армана. Она заметила по тому, как он отвёл взгляд к сыну.

Селеста, всё ещё стоявшая у двери, тихо сказала:

— Это всё очень трогательно. Но мы не можем строить лечение наследника на разговорах и открытых дверях. Ему нужен настоящий мастер.

— Настоящий мастер уже чуть не усилил приступ, — ответила Элиана.

— Вы переходите границы.

— Сегодня все только этим и занимаются.

Селеста впервые посмотрела на неё без маски. На краткий миг. И в этом взгляде было обещание: ты пожалеешь.

Потом она снова стала мягкой.

— Арман, подумай, что скажут, если узнают: в ночь объявления нашей истинной связи ты позволил бывшей жене распоряжаться в детской наследника и выгнал лекарей. Тебя обвинят в слабости. Её — в попытке вернуть влияние через ребёнка. Каэлю это тоже навредит.

Элиана поняла, что Селеста выбрала новый рычаг. Не ревность. Не жалость. Репутацию. Для Армана это могло значить слишком много: род, двор, власть, слухи. Всё то, чем он жил.

Но он смотрел не на неё. Он смотрел на Каэля, который сжимал руку Элианы и дышал чуть ровнее в притихшей комнате.

— Пусть говорят, — сказал Арман.

Селеста побледнела.

Элиана тоже удивилась, хотя не позволила себе показать это слишком явно.

— Милорд... — начал Терион.

— Я не закончил, — Арман поднял голову. — С этой минуты ни одна защитная сеть, ни один родовой знак, ни одна магическая печать не применяется к моему сыну без моего разрешения. И без её присутствия.

Селеста резко вскинула взгляд.

Терион будто постарел на несколько лет.

Элиана почувствовала, как вокруг неё сомкнулось новое кольцо опасности. Только что Арман дал ей власть — маленькую, временную, но власть. И вместе с ней поставил мишень на спину.

— Я не ваша лекарка, милорд, — тихо сказала она.

Он посмотрел на неё. Взгляд снова стал жёстким.

— Сейчас будешь.

— Нет.

Комната застыла.

Даже Каэль открыл глаза.

Арман медленно выпрямился.

— Повтори.

Элиана чувствовала, как сильно устала. Чужое тело дрожало от пережитого, от корсета, от духоты, от силы эмоций, которая не успевала укладываться внутри. Ей хотелось сесть на пол рядом с кроватью, снять перчатки, закрыть глаза хотя бы на минуту. Но именно сейчас отступить было нельзя.

Потому что одно дело — помочь ребёнку. Другое — снова стать вещью дома Вейр. Только теперь не женой, а удобной женщиной у постели наследника.

— Я помогу Каэлю, — сказала она. — Пока смогу. Пока это ему нужно. Но не потому, что вы приказали.

Арман смотрел на неё так, будто пытался понять, где у неё слабое место.

— Тогда почему?

Элиана опустила взгляд на мальчика. Он слушал. Не всё понимал, но чувствовал напряжение.

— Потому что он ребёнок.

Ответ оказался слишком простым для этой комнаты. Для драконов, печатей, родов, разводных актов, подвесок и интриг. Слишком человеческим. Арман, кажется, тоже это почувствовал.

Селеста тихо усмехнулась.

— Какая благородная роль. Вам идёт, леди Элиана.

— А вам идёт молчание, — сказала Элиана, не повышая голоса.

Селеста замерла.

Арман бросил на бывшую жену быстрый взгляд — не одобрительный, нет. Скорее предупреждающий. Но выгонять её не стал.

Каэль вдруг шепнул:

— Не ругайтесь.

Сразу стало стыдно. Не за смысл — за то, что взрослые снова поставили свои войны рядом с его кроватью.

Элиана наклонилась к нему.

— Не будем. Прости.

Арман тоже опустил голову ближе.

— Никто не будет ругаться.

Мальчик посмотрел на него с недетской усталостью.

— Папа, свет правда не надо.

У Армана дрогнула рука. Он осторожно коснулся волос сына, но сделал это неловко, будто боялся сломать. Элиана вдруг поняла, что он, возможно, привык любить издалека: приказами, защитой, лучшими мастерами, самыми дорогими вещами. Но не знал, что делать с маленькой горячей ладонью, которая ищет не власть, а присутствие.

— Не будет, — повторил он. — Я сказал.

Каэль чуть успокоился.

Элиана снова посмотрела на знак. Он больше не разрастался, но и не исчезал. Вокруг него кожа казалась слишком бледной. Нужно было понять, что провоцирует вспышку. Свет магии. Возможно, близость Селесты. Возможно, определённые родовые символы в комнате. И ещё — почему прикосновение Элианы заставило линии дрогнуть иначе?

Она огляделась.

Детская была красивой, но странно холодной для комнаты ребёнка. Резные шкафы, тяжёлые ткани, герб Вейров над камином, несколько дорогих игрушек на полке, идеально расставленных, будто ими редко играли. У кровати — маленький деревянный дракон, потёртый по крылу. Вот он был настоящим. Любимым. На спинке стула висел детский халат. На столике стояла чашка, давно остывшая. Рядом — стопка тонких пергаментов с печатями лекарей.

Всё официальное. Всё правильное. И так мало живого.

— Мне нужно знать, что было перед приступом, — сказала она.

Арман кивнул Териону.

— Говори.

Лекарь собрался с достоинством, хотя руки у него всё ещё дрожали.

— Наследник присутствовал в своих покоях. По вашему распоряжению, милорд, ему не позволяли выходить в зал, чтобы избежать лишнего волнения. Около часа назад он пожаловался на слабость. Затем знаки на коже усилились. Мы начали обычное сдерживание печати, но реакция оказалась... иной.

— Кто был с ним? — спросила Элиана.

Терион поджал губы.

— Няня, двое слуг, я и младший мастер.

— Селеста приходила?

Селеста резко выпрямилась.

Вопрос повис в комнате слишком ясно.

Терион посмотрел на Армана. Потом на Селесту. Потом на пол.

— Леди Селеста заходила пожелать наследнику спокойной ночи, — сказал он.

Элиана медленно перевела взгляд на неё.

Селеста не растерялась.

— Разумеется. Я хотела поддержать мальчика. Сегодня важный вечер для всей семьи. Я принесла ему маленький подарок.

Каэль вдруг сильнее сжал руку Элианы.

Она почувствовала это сразу.

— Какой подарок? — спросила она.

— Детскую безделушку, — мягко ответила Селеста. — Ничего особенного.

Арман повернулся к сыну.

— Каэль?

Мальчик отвернулся к подушке.

— Не хочу.

— Что не хочешь?

Он молчал.

Селеста вздохнула.

— Он устал, Арман. Не мучай его вопросами.

Элиана наклонилась ближе к мальчику.

— Каэль, я не буду заставлять. Просто покажи глазами, где подарок. Если хочешь.

Он лежал тихо. Потом его взгляд медленно скользнул к полке у камина.

На полке среди дорогих игрушек стояла маленькая фигурка. Дракон из тёмного блестящего материала, с тонким кольцом вокруг изогнутого крыла.

Элиана заметила, как знак на груди Каэля чуть потемнел, стоило ей посмотреть туда.

Арман уже шёл к полке.

— Не трогайте голыми руками, — сказала она резко, сама не зная почему.

Он остановился.

— Почему?

— Не знаю. Просто... не надо.

Она ненавидела эти “не знаю”. Ненавидела свою беспомощность перед магией. В прежней жизни она могла опираться на знания, опыт, понятные законы тела. Здесь приходилось хвататься за наблюдения, интуицию, чужую память и здравый смысл. Но иногда “не знаю, почему, но не делайте” было лучше, чем позднее раскаяние.

Арман взял со стола плотную салфетку и только через неё поднял фигурку.

Как только она оторвалась от полки, Каэль тихо вскрикнул.

Знак вспыхнул.

Не ярко — но достаточно, чтобы все увидели.

Арман замер с фигуркой в руке. Лицо его стало страшным.

Селеста побледнела уже по-настоящему.

— Это невозможно, — прошептал Терион.

Элиана крепче взяла руку Каэля.

— Унесите её дальше.

Арман вышел в смежную комнату и положил фигурку на дальний стол. Дверь между комнатами осталась открытой, но расстояние увеличилось. Через несколько мгновений знак на коже мальчика стал тусклее.

Никто не говорил.

Даже Селеста.

Элиана чувствовала, как в комнате меняется баланс. Не окончательно. Не в её пользу полностью. Но теперь отрицать очевидное было сложнее.

Арман вернулся медленно.

— Кто принял подарок? — спросил он.

Терион ответил не сразу.

— Няня. При мне. Леди Селеста сказала, что фигурка освящена добрым пожеланием её рода.

— Где няня?

— За дверью, милорд.

— Позвать.

Через минуту в комнату вошла женщина лет сорока с заплаканным лицом. Она поклонилась так низко, что едва не потеряла равновесие.

— Милорд...

— Фигурка, которую принесла леди Селеста. Ты поставила её на полку?

Няня бросила испуганный взгляд на Селесту.

— Да, милорд.

— Каэль просил?

— Нет, милорд. Он... он не хотел брать её в руки.

— Почему?

Женщина сжала пальцы.

— Сказал, что она холодная.

Селеста тихо произнесла:

— Дети часто капризничают, когда устали.

Элиана посмотрела на неё и вдруг отчётливо поняла: Селеста злится не потому, что её подозревают. Она злится потому, что ребёнок сказал правду вслух.

Арман повернулся к Селесте.

— Ты знала, что он не хотел подарок?

— Конечно нет. Я бы не настаивала.

— Но подарок остался в комнате.

— Я не приказывала его оставлять. Няня, должно быть, решила сама.

Няня вздрогнула.

— Леди сказала, что наследнику нужно привыкать к знакам её семьи, раз она скоро станет частью дома.

Селеста медленно повернула голову к женщине. Лицо её осталось мягким, но няня тут же побледнела ещё сильнее.

— Я сказала иначе. Ты могла неправильно понять.

— Я... — няня запнулась и опустила глаза. — Возможно, леди.

Элиана почувствовала усталую ярость. Вот так это и делалось. Без крика. Без приказа. Так, чтобы маленький человек сам отступил, сам отказался от своих слов, сам решил, что безопаснее быть виноватым.

Каэль снова зашевелился.

— Не ругайте Ниру, — прошептал он.

Няня всхлипнула.

Арман посмотрел на сына, потом на няню.

— Выйди. Пока тебя никто не обвиняет.

Женщина поклонилась и почти выбежала.

Селеста тихо сказала:

— Арман, если ты позволишь бывшей жене устраивать допросы в комнате больного ребёнка, двор завтра будет смеяться над домом Вейр.

— Двор уже смеялся сегодня, — ответил он.

Элиана почувствовала, как эти слова ударили и по ней тоже. Да. Смеялся. Над ней.

Арман, кажется, понял это слишком поздно. Его взгляд на миг коснулся её лица, но она отвернулась к Каэлю. Сейчас не время требовать сожаления. Сожаление ничего не меняло.

Мальчик устал. После вспышки от фигурки его дыхание снова стало поверхностным. Нужно было убрать лишних людей, уменьшить страх, дать ему покой, но не оставить без наблюдения. Она могла сказать это без инструкций, простыми словами.

— Ему нужно тихое место и меньше людей вокруг, — сказала Элиана. — Без магических вспышек. Без подарков. Без споров над кроватью. Он слишком устал.

Терион, к удивлению, не стал спорить. Только кивнул, глядя на ребёнка совсем иначе.

— Я могу проверить комнату на посторонние знаки, милорд, — сказал он.

— Без применения к нему магии, — резко добавила Элиана.

Лекарь посмотрел на неё с раздражением, но сдержался.

— Без применения к наследнику.

Арман кивнул.

— Проверь. Всё, что принесено сегодня, убрать из детской. Каждую вещь — отдельно. Ниру не трогать. Слуги остаются под надзором, но без наказаний, пока я не разберусь.

Селеста сделала шаг к нему.

— Арман, ты не можешь всерьёз подозревать мой подарок.

— Я подозреваю всё, что заставляет моего сына кричать.

Это был первый настоящий удар по ней.

Селеста выдержала его, но в глазах на миг появился блеск. Не слёзы. Злость.

— А её ты не подозреваешь?

Она указала на Элиану уже не так мягко, как раньше.

— Женщину, которая сегодня потеряла всё? Которой выгодно стать незаменимой? Которая вдруг, именно после развода, оказалась единственной, кто “понимает” болезнь наследника?

Арман молчал.

Элиана не дала ему ответить за неё.

— Мне невыгодно быть здесь, — сказала она. — Через несколько часов меня должны вывезти из этого дома. Я могла бы уйти, забрать то, что мне позволили оставить, и сделать вид, что ваш сын больше меня не касается. Так было бы безопаснее.

Селеста прищурилась.

— Но вы не ушли.

— Нет.

— Почему?

Элиана посмотрела на Каэля. Мальчик уже почти не держал глаза открытыми, но пальцы всё ещё цеплялись за неё.

— Потому что он позвал.

В комнате стало очень тихо.

Арман опустил взгляд на руку сына.

Селеста не нашла сразу красивого ответа, и это было маленькой победой. Очень маленькой. Но в этой ночи даже она имела вес.

Терион и младшие лекари начали осторожно осматривать комнату. Без яркой магии, почти на ощупь, используя тусклые знаки на собственных ладонях, направленные не к Каэлю, а к предметам. Элиана следила за ними напряжённо, готовая остановить, если мальчику станет хуже. Арман следил за ней.

Это было странное ощущение: ещё недавно его взгляд раздевал её достоинство перед залом, а теперь ждал от неё малейшего движения, как от прибора, которому он не доверяет, но вынужден использовать.

Время тянулось вязко.

Из детской вынесли фигурку, затем несколько лент, букет с тёмными листьями, маленькую шкатулку, которую, как выяснилось, прислали “в честь будущего союза”, и тонкое покрывало с вышивкой чужого дома. С каждой вещью Каэль дышал чуть спокойнее. Не резко, не чудесно. Но напряжение в его маленьком теле отпусало по крупице.

Элиана сидела на краю кровати, забыв, что ей никто не предлагал сесть. Корсет впивался в рёбра, перчатки мешали чувствовать руку ребёнка, голова болела от тугой причёски, но всё это было где-то далеко. Она смотрела на Каэля и думала о том, что в этом мире больного ребёнка окружили дорогими дарами, родовыми знаками, защитами, этикетом — и почти никто не спросил, чего он боится.

— Тётя Эли, — прошептал он.

— Я здесь.

— Не темно?

Она не сразу поняла.

— Ты боишься темноты?

Он едва заметно качнул головой.

— Нет. Там... в свете хуже.

Она наклонилась ближе.

— Тогда пусть будет полумрак.

Мальчик чуть расслабился.

Арман стоял у изголовья, и его лицо снова стало закрытым, но теперь это была другая закрытость. Не презрение. Не холодное решение. Скорее попытка удержать себя, когда под ногами рушилось слишком многое.

— Почему он говорил тебе это, а не мне? — спросил он тихо.

Элиана не была уверена, что вопрос предназначен ей. Но ответила:

— Возможно, потому что боялся расстроить вас.

Арман посмотрел на неё.

— Меня?

— Дети часто молчат не потому, что им нечего сказать. Иногда они просто видят, что взрослым удобнее не слышать.

Это было жестоко. Может быть. Но не несправедливо.

Арман долго молчал.

— Ты много знаешь о детях.

Элиана почувствовала, как внутри неё шевельнулась память Лилии — настоящая, не чужая. Белые стены, маленькие ладони, тревожные родители, ночные дежурства, усталость, страх, облегчение, когда ребёнок наконец спокойно спит. Всё это было так далеко от каменной детской Вейров, но в то же время странно близко. Дети в любом мире оставались детьми.

— Достаточно, чтобы понимать: они редко врут о том, что им больно или страшно.

Арман отвёл взгляд.

Селеста всё ещё была в комнате. Её не выгнали, но словно отодвинули от центра. И это бесило её всё сильнее. Она стояла у окна, прямая, красивая, с лицом женщины, которая сохраняет достоинство, пока вокруг ошибаются. Но Элиана видела, как иногда её взгляд возвращался к двери в смежную комнату, куда унесли фигурку.

Терион наконец подошёл к Арману.

— Милорд, часть предметов действительно давала отклик на знак наследника.

— Часть?

— Не все. Но фигурка сильнее остальных.

— Что это значит?

Лекарь бросил быстрый взгляд на Селесту.

— Я не могу сказать без изучения.

Арман сделал шаг к нему.

— Скажи то, что можешь.

Терион побледнел, но ответил:

— Это не похоже на защитный дар. И не похоже на обычное родовое благословение.

Селеста тихо сказала:

— Ты забываешься, мастер.

Терион опустил глаза.

— Я говорю только о магическом отклике, леди.

— Ты говоришь под давлением.

— Все выйдите, — произнёс Арман.

Селеста резко повернулась к нему.

— Что?

— Все, кроме Элианы и Каэля.

Элиана тоже посмотрела на него.

Нет. Это было неправильно. Остаться с ним наедине, после всего, в полутёмной детской, у постели его сына, когда за дверью уже кипели будущие слухи. Но возразить она не успела.

Селеста шагнула ближе.

— Арман, я твоя истинная. Моё место рядом с тобой.

— Сейчас моё место рядом с сыном.

Эти слова прозвучали просто. Но от них Селеста побледнела так, будто её ударили при всех.

— А её место? — спросила она.

Арман посмотрел на Элиану. Взгляд задержался на растрёпанной причёске, на чужом парадном платье, на руке Каэля, упрямо держащей её пальцы.

— Сейчас — здесь.

Селеста улыбнулась.

Медленно. Почти ласково.

— Конечно. Как скажешь.

Она повернулась к двери, но у самого выхода остановилась.

— Только помни, Арман: женщина, которая однажды не смогла стать матерью твоему роду, теперь получила самый удобный способ заставить тебя забыть об этом.

Элиана ощутила, как эта фраза вошла под кожу. Не потому что верила ей. А потому что чужое тело помнило, сколько раз подобные слова ломали прежнюю Элиану.

Арман резко сказал:

— Селеста.

Она чуть склонила голову.

— Я переживаю за тебя. И за Каэля.

Дверь закрылась за ней тихо.

Слишком тихо.

В комнате остались полумрак, усталый ребёнок и мужчина, который сегодня одним решением разрушил жизнь женщины, а теперь не мог выгнать её, потому что сын не отпускал её руку.

Элиана вдруг поняла, что больше не может сидеть прямо. Спина заныла, дыхание стало тяжёлым от корсета. Она попыталась осторожно высвободить пальцы, чтобы поправить платье, но Каэль тут же тревожно открыл глаза.

— Я не уйду, — сказала она. — Только сяду удобнее.

Он не отпустил.

Арман молча пододвинул к кровати низкое кресло.

Этот маленький жест был таким неожиданным, что Элиана на мгновение замерла. Ещё час назад он отдавал распоряжения о её выселении. Теперь пододвигал ей кресло у постели сына.

Она не поблагодарила. Не потому что была грубой. Потому что благодарность за такое после публичного унижения казалась слишком дешёвой монетой.

Она пересела, не выпуская руку Каэля.

Арман остался стоять.

— Ты знала его лучше, чем я думал, — сказал он.

Элиана посмотрела на мальчика.

— Возможно, вы просто не думали.

Он принял удар молча.

Каэль дышал ровнее. Не спокойно, но уже без прежнего страшного надрыва. Тёмные линии стали тоньше. Знак под ключицей оставался, но не пульсировал так ярко. Элиана боялась радоваться. В таких состояниях слишком рано верить улучшению. Но хотя бы прямо сейчас ребёнку стало легче.

— Ему нужно поспать, — сказала она. — По-настоящему. Без людей над головой.

Арман кивнул.

— Ты останешься до утра.

Она подняла глаза.

— Нет.

Он напрягся.

— Элиана.

— Не так. Не приказом.

Тишина между ними стала острой.

— Мой сын...

— Ваш сын нуждается в покое. Я помогу, пока он не станет стабильнее. Но вы не будете распоряжаться мной так, будто я часть мебели, которую забыли вывезти после развода.

Его лицо потемнело.

— Сейчас не время для твоей гордости.

— Моя гордость — единственное, что вы сегодня мне оставили. Не просите отдать и её. В этот раз он не нашёл ответа сразу.

Каэль шевельнулся.

— Папа... не забирай тётю Эли.

Арман закрыл глаза на одно короткое мгновение.

Элиана почувствовала, как у неё сжалось сердце. Ребёнок слышал слишком много. Понимал по-своему, но достаточно, чтобы бояться, что взрослые снова решат всё за него.

Арман опустил на край кровати с другой стороны.

— Я не забираю.

— Она уйдёт?

Вопрос был совсем тихий.

Элиана не смогла ответить. Потому что правда была жестокой: да, она должна уйти. До утра. В дом на окраине. С частью личных вещей и содержанием на год. В новую жизнь, которую ей швырнули как подачку. И если она останется здесь, двор решит, что бывшая жена всё-таки нашла способ прицепиться к роду через больного ребёнка.

Но если уйдёт сейчас — кто остановит следующий серебряный свет?

Арман посмотрел на неё. Впервые за вечер не как на проблему, не как на бывшую жену, не как на женщину, посмевавшую спорить. Как на человека, от ответа которого зависит спокойствие сына.

Элиана наклонилась к Каэлю.

— Сейчас я рядом. А потом мы решим, как сделать так, чтобы ты не боялся.

— Обещаешь?

Она не любила давать детям обещания, которые не могла выполнить. И всё же оставить его без ответа было невозможно.

— Я постараюсь.

Каэль нахмурился слабо, почти обиженно.

— Это не обещание.

В его голосе прозвучало что-то такое детское, настоящее, что Элиана впервые за эту ночь почти улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— Это честнее, чем обещание, которое я не смогу сдержать.

Мальчик подумал над этим, насколько позволяла усталость, и, кажется, принял. Его веки начали опускаться.

Арман смотрел на них обоих.

— Он редко спорит, — сказал он тихо.

— Может быть, ему редко позволяют.

Арман снова промолчал.

За дверью послышались приглушённые голоса. Кто-то спорил. Потом раздался стук.

Арман поднялся. Его лицо мгновенно стало прежним — герцогским, холодным.

— Что?

Дверь приоткрылась. Вошёл молодой стражник и поклонился.

— Милорд, простите. В зале гости требуют объяснений. Слухи уже пошли по дворцу. Леди Селеста сказала, что бывшая герцогиня находится в детской и препятствует лечению наследника.

Элиана медленно выдохнула.

Конечно.

Селеста не ушла. Она просто сменила комнату на поле боя.

Арман застыл.

— Кто требует?

— Лорд Рейвен, леди Острид, несколько старейшин рода. Они говорят, что присутствие леди Элианы после расторжения брака недопустимо рядом с наследником без решения семейного совета.

Семейный совет.

Элиана не знала всех местных правил, но чужая память отозвалась холодом. Совет Вейров — старшие родственники, хранители традиций, те, кто годами смотрел на Элиану как на неудачную жену. Если они вмешаются, её выведут из детской не грубо, а правильно. Законно. С печатями. Как уже сделали в зале.

Арман взглянул на сына.

Каэль почти спал, но стоило голосам прозвучать громче, его пальцы снова сжались на руке Элианы.

— Никого сюда не пускать, — сказал Арман.

Стражник поклонился, но не ушёл.

— Милорд... лорд Рейвен сказал, что если вы не выйдете сами, они войдут как старшие рода.

Арман медленно повернул голову.

Воздух в комнате стал тяжелее.

Элиана вдруг увидела, как по его виску снова проступил серебряный отблеск чешуи. В нём просыпался дракон — не метафора, не титул. Настоящая сила, которая могла заставить весь дворец склониться. Но сила не решала всё. Если он сейчас выйдет и надавит, слухи станут ещё хуже. Селеста получит то, что хотела: картину, где Арман ради бывшей жены идёт против рода в ночь объявления истинной связи.

Элиана медленно поднялась.

Каэль сразу открыл глаза.

— Нет...

— Я не ухожу далеко, — сказала она ему. — Только поговорю у двери.

Арман резко посмотрел на неё.

— Ты останешься здесь.

— Если я спрячусь за вашей спиной, они решат, что Селеста права.

— Мне плевать, что они решат.

— Нет, — тихо ответила Элиана. — Вам не плевать. Иначе этого развода не было бы при всём дворе.

Он замер.

Она не стала ждать ответа. Осторожно высвободила руку, но Каэль испуганно потянулся за ней. Тогда Элиана сняла с пальцев перчатку и оставила её в его ладони.

— Держи. Я вернусь за ней.

Мальчик сжал мягкую ткань так крепко, будто это был якорь.

Элиана повернулась к двери.

И только теперь почувствовала, как выглядит: бывшая жена в помятом парадном платье, с растрёпанной причёской, без одной перчатки, с лицом, на котором усталость уже невозможно скрыть полностью. Не герцогиня. Не победительница. Женщина, которую час назад выбросили из дома и которая сейчас собиралась спорить с родом драконов за право ребёнка спокойно дышать.

Арман шагнул рядом.

— Я выйду первым.

— Нет.

Его взгляд стал тяжёлым.

— Не спорь сейчас.

— Если вы выйдете первым, это будет ваш конфликт с советом. Если выйду я, это будет мой ответ на обвинение.

— Они раздавят тебя.

Элиана посмотрела на него.

— Вы уже пробовали.

В его лице что-то дрогнуло. Не раскаяние ещё. Но память о зале, о кольце, о её подписи под добровольным отказом.

Она открыла дверь сама.

В коридоре было тесно от людей. Лекари, слуги, стража, несколько пожилых мужчин с тяжёлыми знаками рода на груди, две дамы в тёмных платьях. Чуть дальше стояла Селеста. Она выглядела бледной, тревожной и безупречно оскорблённой.

Разговоры оборвались.

Элиана вышла на порог и закрыла дверь за собой не полностью, оставив узкую щель, чтобы слышать Каэля.

— Леди Элиана, — произнёс седой мужчина с острым лицом. Судя по чужой памяти, это и был лорд Рейвен, один из старших Вейров.

Рейвен стоял чуть позади остальных, но смотрел не как встревоженный родственник. Его взгляд не задержался на двери детской, за которой хрипло дышал Каэль. Он скользнул по Арману, по лекарям, по печатам на стенах, по руке Элианы, будто старший Вейр не испугался болезни наследника, а быстро просчитывал, как изменится положение дома, если мальчик не переживёт эту ночь. Элиана уловила это мельком и сама не поняла, почему от этого взгляда ей стало холоднее, чем от слов Селесты.

— Ваше присутствие здесь неуместно.

— Согласна, — сказала она.

Несколько человек растерялись.

Селеста насторожилась.

Элиана продолжила:

— Неуместно, что женщину, которую только что лишили имени и дома, приходится звать к ребёнку, потому что обученные мастера не заметили очевидного вреда. Неуместно, что возле постели наследника спорят о приличиях. Неуместно, что подарок, принесённый сегодня в детскую, усилил чужой знак на его коже. Но если вы хотите начать именно с моего присутствия, я готова ответить.

Лорд Рейвен побледнел от ярости.

— Вы забываетесь.

— Нет. Сегодня я очень хорошо запомнила своё новое положение. Именно поэтому говорю прямо: я не прошу у рода Вейр ни имени, ни милости, ни места. Но пока ребёнку становится хуже от вашей магии, я не отойду только потому, что вам неприятно видеть бывшую жену у его постели.

Селеста тихо сказала:

— Как красиво. И как удобно.

Элиана повернулась к ней.

— Удобно было бы уйти.

— Но вы не уходите.

— Потому что Каэль попросил.

— Ребёнок слаб. Он не понимает, кем вы теперь являетесь.

— Зато он понимает, рядом с кем ему легче дышать.

Эта фраза ударила сильнее, чем Элиана ожидала. В коридоре кто-то тихо ахнул. Один из старейшин перевёл взгляд на закрытую дверь. Терион стоял чуть поодаль, мрачный и смятый, но не возражал. И это молчание лекаря тоже стало свидетельством.

Лорд Рейвен прищурился.

— Вы обвиняете мастеров рода?

— Я говорю, что их метод сделал ребёнку хуже. Это уже проверено при свидетелях.

Терион закрыл глаза, будто мечтал исчезнуть.

— Мастер? — спросил Рейвен.

Лекарь сглотнул.

— Реакция действительно была... неблагоприятной.

Слово было осторожное, скользкое, но достаточно честное, чтобы коридор снова зашевелился.

Селеста сделала шаг.

— Никто не отрицает, что состояние Каэля сложное. Но леди Элиана использует болезнь ребёнка, чтобы остаться во дворце после развода. Разве вы все не видите? Её только что лишили положения. И вдруг она становится незаменимой.

Элиана устало посмотрела на неё.

Слишком устало, чтобы злиться так ярко, как хотелось.

— Селеста, — сказала она тихо, и впервые назвала её просто по имени, без титула. — Если я хотела бы остаться во дворце, я бы сейчас рыдала в зале, цеплялась за Армана и просила не отдавать вам моё место. Но я подписала бумаги. Сняла кольцо. И если бы за этой дверью не лежал ребёнок, я бы уже собирала вещи.

Селеста улыбнулась.

— Как благородно.

— Нет. Просто я взрослый человек.

В этой спокойной фразе почему-то оказалось больше презрения, чем в прямом оскорблении.

Дверь за спиной Элианы скрипнула.

Арман вышел в коридор.

Все сразу склонились. Даже те, кто только что собирался войти как старшие рода. Селеста повернулась к нему с выражением сдержанной боли.

— Арман, я пыталась защитить Каэля и твой дом.

— Я слышал.

Он остановился рядом с Элианой, но не впереди неё. Это было важно. Он не закрыл её собой и не отодвинул. Просто встал рядом, признавая, что она имеет право говорить.

По коридору прошла волна шёпота.

Арман посмотрел на старейшин.

— В детскую не войдёт никто, кто не получил моего разрешения. Наследник спит. Магическое воздействие запрещено до моего распоряжения. Все предметы, принесённые сегодня, будут проверены.

Лорд Рейвен сжал губы.

— Милорд, семейный совет должен...

— Семейный совет может собраться утром, если к утру мой сын будет жив и достаточно спокоен, чтобы я мог слушать ваши речи.

Жестоко. Тихо. Действенно.

Никто не ответил.

Селеста посмотрела на Армана так, будто он предал её. Возможно, для неё это так и было.

— А леди Элиана? — спросила она.

Арман повернул голову.

Элиана почувствовала, как все взгляды снова легли на неё.

— Леди Элиана останется рядом с Каэлем до утра, — сказал он. — По моей просьбе.

По моей просьбе.

Не приказу.

Она не посмотрела на него, но слышала разницу. И, судя по лицам вокруг, слышала не только она.

Селеста стала совсем белой.

— Ты просишь её?

Арман выдержал её взгляд.

— Да.

Это маленькое слово изменило слишком многое.

Элиана вдруг испугалась не меньше, чем в зале. Потому что унижение было понятным. Ненависть — понятной. Даже изгнание было понятным. А вот просьба от человека, который ещё час назад вычёркивал её из жизни, была опасной. Она не смягчала боль. Но делала её сложнее.

Из комнаты донёсся слабый голос:

— Тётя Эли...

Элиана сразу повернулась.

Спор закончился сам собой. Она открыла дверь и вернулась к кровати, больше не глядя ни на старейшину, ни на Селесту, ни на Армана. Каэль лежал на боку, прижимая к груди её перчатку. Глаза у него были полуоткрыты.

— Я здесь, — сказала она и села рядом.

Он протянул руку. Она дала ему пальцы.

Арман вошёл следом и закрыл дверь перед лицом коридора. На этот раз окончательно.

В комнате снова стало тихо.

Каэль смотрел на Элиану долго, будто проверял, настоящая ли она. Потом его взгляд скользнул к отцу.

— Папа, не отдавай её плохой даме.

Арман застыл.

Элиана тоже.

— Какой даме? — спросила она мягко.

Каэль сонно нахмурился.

— Которая улыбается. У неё холодный дракон.

Арман медленно повернул голову к двери.

Элиана почувствовала, как у неё по спине прошёл холод. Ребёнок не мог объяснить сложную интригу. Не мог знать про подвески, знаки и совпадения так, как взрослые. Но он чувствовал. Видел. Запоминал то, что остальные списывали на усталость.

— Спи, — сказала она тихо. — Сейчас никто тебя не тронет.

— И тебя?

Элиана не успела ответить.

Каэль открыл глаза чуть шире. Мутные от усталости, но вдруг удивительно ясные. Его маленькая рука соскользнула с её пальцев, потом снова вцепилась — крепче, отчаяннее. В этом движении было столько страха потерять, что Элиана на мгновение забыла, как дышать.

— Мама, — прошептал он почти беззвучно. — Не уходи.

Глава 3. Ссылка вместо благодарности

Элиана не сразу нашла, чем дышать.

Слово, сорвавшееся с губ Каэля, было таким тихим, что его мог заглушить любой шорох за дверью, любой шаг в коридоре, любой вздох Армана. Но в комнате оно прозвучало страшнее крика.

Мама.

Мальчик сказал это не осознанно, не торжественно, не как выбор взрослого человека, способного понимать последствия. Он был измучен, напуган, сонный, всё ещё цеплялся за её руку, словно боялся, что она исчезнет, если он моргнёт. Но именно поэтому это слово ранило сильнее. Оно вышло не из расчёта. Не из каприза. Из самого детского страха — остаться одному среди взрослых, которые спорят над твоей кроватью и называют это заботой.

Арман стоял неподвижно.

Элиана даже не смотрела на него, но чувствовала, как изменилась его тишина. До этого она была тяжёлой, властной, сдержанной. Теперь в ней появилось что-то острое и растерянное, будто дракон, привыкший принимать удары грудью, вдруг получил их туда, где не было брони.

Каэль повторил уже почти беззвучно:

— Не уходи...

Элиана наклонилась ниже и осторожно коснулась его волос. Не как врач. Не как женщина, которая пытается доказать что-то бывшему мужу. Просто как взрослый человек рядом с ребёнком, которому страшно.

— Я рядом, Каэль, — сказала она тихо. — Спи. Сейчас я рядом.

— Мама...

Она закрыла глаза на короткое мгновение.

Нельзя было сказать: «да». Нельзя было присвоить себе это слово, каким бы отчаянным ни был его шёпот. Она не была его матерью. Даже прежняя Элиана, чья память обрывками жила в этом теле, не имела на него такого права. Её то подпускали к мальчику, то отталкивали, то позволяли посидеть с ним в библиотеке, то напоминали, что наследник принадлежит роду, а не женщине, которая не дала этому роду своего ребёнка.

Но сказать: «я не мама» — сейчас было бы жестоко.

Элиана только мягче сжала его пальцы.

— Я не уйду, пока ты боишься, — сказала она.

Каэль будто принял именно это. Его веки дрогнули, дыхание стало тише. Он прижимал к груди её перчатку и держал её руку так, как держатся за край берега. Постепенно напряжение в его маленьком теле стало уходить. Не исчезло полностью, нет. Но хотя бы перестало рвать его изнутри.

Арман медленно сел на край кровати с другой стороны.

Элиана почувствовала, как он смотрит на сына. Потом — на неё. Ей не нужно было поднимать глаза, чтобы понять: в этом взгляде было слишком много всего, и ни одно из этих чувств он не хотел признавать вслух.

— Он никогда так её не называл, — произнёс Арман.

Слова прозвучали низко и глухо.

Элиана всё же посмотрела на него.

— Кого?

Он понял вопрос не сразу. Потом лицо его стало ещё жёстче.

— Никого.

Она не ответила.

Каэль почти спал. Тёмные следы на его шее побледнели, но знак под ключицей оставался, тонкий, чужой, будто тень, которую нельзя было стереть простым желанием. Комната после всех споров казалась выжатой. Полумрак, приоткрытая боковая дверь, прохладный воздух, смятая постель, детская ладонь в её руке, и рядом — мужчина, который всего час назад при всём дворе объявил, что она больше не имеет права носить его имя.

Элиана вдруг почувствовала усталость так резко, что у неё заболели даже пальцы. Чужое платье давило на грудь, волосы тянули кожу, в висках глухо стучало. Но хуже всего была не физическая усталость. Хуже было понимание: эта ночь не закончилась. Она только открыла новую ловушку.

Каэль назвал её мамой.

Теперь это слышал Арман.

И если услышит двор, Селеста сделает из этого оружие быстрее, чем свеча догорит на прикроватном столике.

— Этого нельзя выносить за дверь, — сказала Элиана.

Арман поднял глаза.

— Ты думаешь, я не понимаю?

— Я думаю, что в вашем доме слишком много людей, которым выгодно не понимать.

Он ничего не ответил, но взгляд его стал холоднее. Не к ней — наружу. К тем, кто стоял за дверью, к тем, кто уже шептался, к той, кто умела улыбаться так, будто сожалела о каждом ударе, нанесённом чужими руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.